

Цзин Юньшу опешил, но тут же с усмешкой парировал:

— Я ведь тоже шучу. У тебя хотя бы двое учеников под рукой, а я — самый настоящий одинокий старик.

Договорив, он украдкой взглянул на Цинь Юнвана. Тот, разумеется, прекрасно понимал, что это шутка. За долгие годы общения он привык к подобным подтруниваниям и никогда не принимал их всерьез.

— Поехали со мной в Янчжоу встречать Новый год? — предложил Цзин Юньшу.

Цинь Юнван подошел к стеллажу, придирчиво осмотрел сушеные травы и, словно не доверяя собственным глазам, взял одну из щепоток, чтобы понюхать.

— Когда выезжаем? — глухо спросил он.

— Оттуда торопят, так что послезавтра. Завтра я пришлю повозку, сможешь погрузить вещи. Травы с собой не тащи — в Янчжоу любые аптекарские лавки к твоим услугам.

Цинь Юнван промолчал, ни подтвердив, ни опровергнув предложение. Он взял небольшое сито и принялся сосредоточенно перебирать сухие стебли. Отобрав нужные, велел ученику измельчить их в порошок, а сам внезапно шагнул к Цзин Юньшу.

Как бывший хирург, привыкший к западной медицине, Цзин Юньшу до сих пор с трудом понимал методы традиционных китайских лекарей — это были абсолютно разные, несовместимые системы. Всякий раз, когда Цинь Юнван брался за иглы или готовил свои отвары, Юньшу невольно напрягался. И сейчас, стоило лекарю подойти слишком близко, он рефлекторно отступил назад.

Цинь Юнван насмешливо взглянул на него. Оказалось, лекарь уже схватил висевший на поясе Юньшу шелковый мешочек для благовоний — белый, расшитый зеленым бамбуком, в форме тыквы-горлянки.

— Чего вы так испугались, господин? — с лукавой усмешкой спросил Цинь Юнван, вскинув взор.

Любой другой на его месте попытался бы как-то сгладить неловкость, но Цзин Юньшу славился прямоотой. Он лишь изогнул бровь и парировал:

— Как чего? Боюсь, что ты меня заживо проглотишь.

Лекарь ничуть не удивился. Поднеся мешочек к лицу, он коротко вдохнул целебный аромат.

— Скрывать недуги от лекаря — скверная привычка, господин.

Юньшу ничуть не обиделся. Поняв, что лекаря интересует исключительно аромат трав, он расслабился и с ленивым изяществом оперся о косяк.

— Если кто-то со стороны увидит, как божественный лекарь Цинь забирает у молодого барина мешочек с благовониями, вас ведь могут заподозрить в двусмысленных намерениях.

— Тьфу на тебя! — с притворным отвращением фыркнул Цинь Юнван, выпуская шелк из пальцев. — Сборы в мешочке давно пора обновить.

Юньшу ценил заботу лекаря и не думал упрямиться. Удерживая одной рукой теплую грелку, свободной он попытался нащупать узел на поясе. Тесемки не поддавались. Он уже собирался наклониться, чтобы распутать узел, но Чжун И предупредительно опустил на одно колено, приподнял полу его тяжелой накидки и ловко развязал шнурок.

Если дело мог сделать кто-то другой, Цзин Юньшу с радостью предавался лени. Не став чиниться, он поудобнее перехватил грелку обеими руками и принялся терпеливо ждать, пока Чжун И управится с узлом и передаст мешочек лекарю.

В эпоху Вэй и Цзинь болезненная бледность и худоба считались признаками утонченности. Но времена изменились: из-за бесконечных пограничных войн и знать, и простой люд теперь бредили верховой ездой, стрельбой из лука, игрой в поло и цуцзюй. На их фоне хрупкий, вечно недомогающий Цзин Юньшу казался чужаком, заброшенным сюда из ушедшей эпохи.

«Белоручка, — беззлобно подумал лекарь, глядя на него. — Пальцем о палец не ударит, проса от ячменя не отличит».

— Твой наниматель, вообще-то, стоит прямо перед тобой, — притворно насупился Цзин Юньшу. — Не мог бы ты, о великий целитель, спрятать этот полный презрения взгляд?

Цинь Юнван лишь закатил глаза. Он перевернул мешочек, вытряхнул потемневшие сухие травы и тщательно очистил ткань, после чего наполнил ее свежим, душистым сбором.

Цзин Юньшу бросил взгляд на тусклое зимнее солнце.

— Пожалуй, пообедаем сегодня у тебя, господин Цинь.

— Моя убогая хижина не приспособлена ублажать барские прихоти, — тут же проворчал лекарь.

Впрочем, ворчание ворчанием, а слугам из усадьбы тут же полетело распоряжение доставить

обед прямо в лечебницу.

В те времена большинство людей все еще придерживались строгого двухразового питания — утром и перед закатом. Обычный человек переносил такой уклад без труда, но для слабого здоровья Цзин Юньшу подобное было немыслимо. В его усадьбе готовили строго трижды в день, да еще порой баловали домашних поздним ужином. Неудивительно, что и кони, и слуги в его поместье выглядели куда упитаннее и крепче, чем у соседей, а щеки служанок всегда пылали здоровым румянцем.

К обеденному часу у задних ворот лечебницы остановилась закрытая повозка. Двое учеников, для которых это дело было привычным, замахали новому постояльцу с изуродованным лицом, приглашая помочь с разгрузкой.

Из экипажа гуськом высыпали четыре молодые служанки. Опасаясь, что девушки в спешке что-нибудь напутают, следом приехала и старшая горничная Чжимо. Под ее строгим присмотром слуги принялись аккуратно вынимать из ящиков тяжелые фарфоровые миски, укутанные в плотную ткань. Эту посуду Цзин Юньшу придумал сам: чаши имели двойные стенки, между которыми заливали горячую воду, чтобы в зимние холода еда оставалась обжигающе теплой.

Суэта слуг и горничных длилась недолго. Вскоре стол в личных покоях лекаря ломился от дымящихся яств. На пол легли три мягкие подушки. Служанки подали теплую воду для омовения рук, и когда Цзин Юньшу, лекарь и Чжун И закончили с приличиями, с чаш сняли тяжелые крышки. Комнату мгновенно заполнил умопомрачительный аромат специй и жареного мяса.

Кулинары в поместье Цзин знали свое дело. Даже Цинь Юнван, вечно ратующий за строгую диету и воздержание, на сей раз позабыл о нравоучениях. Он молча придвинул к себе пиалу с рисом и принялся за еду.

Ухаживать за собой за столом Цзин Юньшу не любил, но и чужой помощи не требовал. Поняв, что хозяину пока ничего не нужно, Чжимо увела служанок. Она распорядилась вынести обед для учеников Цинь Юнвана и накрыть его в боковой пристройке.

— Мы знали, что у господина Циня есть помощники, так что привезли угощение и на вашу долю, — приветливо обратилась она к парням. — Присаживайтесь, отведайте нашей стряпни, не побрезгуйте. — Тут она заметила рослого крепыша, который после разгрузки тихо сидел на крыльце, не шелохнувшись. — И ты... парень, тоже подходи, поешь с ними.

Оба ученика лекаря были круглыми сиротами. Цинь Юнван когда-то заметил их среди дворовых мальчишек в Поместье Цзин и взял на воспитание. С двенадцати лет он терпеливо учил их грамоте и распознаванию трав. Имена им лекарь выбрал под стать своему ремеслу — назвал Хуанлянем и Мутуном. В искусстве врачевания эти растения, наряду с Лунданыцао, считались тремя великими горечами. Цзин Юньшу, впервые услышав, как зовут парней, долго не мог унять смех:

«Сколько же желчи должно скопиться в душе у господина Циня, раз он решил отыгаться на бедных детях и обречь их на такое имяславие?»

А кулинарные изыски из Поместья Цзин стоило попробовать лишь однажды, чтобы запомнить на всю жизнь. Без преувеличения, повара Юньшу готовили лучше, чем в любом первоклассном ресторане Поднебесной.

Для простых людей, привыкших обходиться скромным двухразовым питанием, столь щедрое приглашение было в диковинку. Круглолицый Хуанлянь расплылся в улыбке и тут же припустил к пристройке. Мутун, отличавшийся большей деликатностью, негромко обратился к молчаливому постояльцу с изуродованным лицом и настойчиво увлек его за собой к накрытому столу.

Хотя законы великой династии Чжао не держали женщин в ежовых рукавицах, вольности все же имели границы. Те вызывающие наряды с открытыми плечами, что порой показывают в дешевых театральных балаганах, на улицах городов никто не носил — подобное допускалось разве что за закрытыми дверями покоев высокородных госпож в императорском дворце. В приличных семьях приличия блюли строго. Чжимо понимала, что ее присутствие смутит молодых людей, поэтому, убедившись, что все накрыто как надо, она скромно удалилась.

Парень со шрамом на лице осторожно взял глиняную пиалу и в замешательстве спросил:

— Почему обед подали так рано?

Хуанлянь уже вовсю орудовал палочками, набивая рот. Мутун ел не в пример аккуратнее и выкроил мгновение для объяснений:

— У нашего господина здоровье слабое. Господин Цинь велел ему принимать пищу часто, но понемногу, раза три-четыре в день. С тех пор в Поместье Цзин все живут по этому правилу.

— И слава богу! — согласно закивал Хуанлянь, умудряясь говорить с набитым ртом. — Зато всегда сытые... М-м-м, до чего же вкусно! Язык можно проглотить!

Заметив, что приятель зарится на последний кусок тушеной свинины «хуншао», Мутун ловко перехватил его своими палочками и отправил в рот. Мясо, нежное и сочное, буквально таяло на языке.

— Налетай скорее, — сквозь зубы бросил он гостю с изуродованным лицом, — не то этот прорва Хуанлянь все в одиночку приговорит. Наша усадебная кухня — лучшая на свете, ни один столичный трактир рядом не стоял.

Глядя на их довольные лица, постоялец со шрамом решился попробовать кусочек. Стоило ему разжевать нежное мясо, как взгляд его удивленно прояснился. Он и подумать не мог, что в

глухом захолустье на юго-западе империи встретит кухню, превосходящую изыски столичного заведения «Юньсянфан». Да что там превосходящую — здешние повара готовили на порядок тоньше и искуснее.

Вспомнив недавнюю суету слуг и то, как бережно они расставляли причудливую посуду, мужчина невольно подумал: «Утонченности в этой глуши поболее, чем во дворцах иных столичных сановников».

— Как, вы говорите, зовут вашего господина? — негромко спросил он.

— Цзин Юньшу, — вполголоса, но с глубоким почтением отозвался Мутун. — Наш господин наделен поистине безграничной мудростью, а к нам, простым слугам, относится с величайшей милостью. Он для нас словно небожитель, сошедший на землю.

«Цзин Юньшу...» — мысленно повторил про себя мужчина со шрамом.

Перед его внутренним взором вновь предстал тот короткий, мимолетный образ. Этот утонченный, хрупкий господин обладал благородством и статью, перед которыми померкла бы спесь многих императорских отпрысков в столице. Странно, что о нем ничего не было слышно при дворе.

Впрочем, так даже лучше. Никто не знал цену столичным интригам и коварству лучше него самого. В этих диких краях, вдали от интриг двора, дышалось свободнее. По крайней мере, небо здесь высоко, а император далеко — самое место, чтобы жить в свое удовольствие.

Сытный обед приятно согрел тело, и Цзин Юньшу окончательно разморило. Возвращаться в усадьбу пешком по зимней прохладе ему было лень, поэтому он устроился в той же повозке, на которой приехала Чжимо.

В неприметном углу двора лечебницы Ванцзи застыл постоялец с изуродованным лицом. Скрытый тенью, он провожал задумчивым взглядом удаляющуюся повозку, которая с виду казалась совершенно простой и непритязательной.

Из-за слабого здоровья Цзин Юньшу быстро утомлялся. Стоило экипажу тронуться, как его склонило в сон. Свернувшись в углу повозки и подперев голову ладонью, он прикрыл глаза.

Внезапно Чжун И резко приподнял плотную занавеску. Внутри ворвался ледяной сквозняк. Цзин Юньшу недовольно поморщился.

— Дует же. Закрой окно.

— Похоже, за нами следят, — с суровой сосредоточенностью отозвался Чжун И. — Я проверю.

Прежде чем Цзин Юньшу успел хоть что-то возразить, телохранитель бесшумно скользнул наружу. Скорость экипажа не изменилась ни на йоту — Чжун И двигался столь стремительно и легко, что даже возница не почувствовал неладного.

Сон у Юньшу как рукой сняло. Он сел прямо, кутаясь в плащ. К счастью, Чжун И вернулся довольно быстро, вновь бесшумно скользнув в салон.

— Ну что? Действительно хвост? — спросил Цзин Юньшу.

— Не знаю, кто это, — покачал головой телохранитель. — Слишком осторожный. Стоило мне спрыгнуть на землю, как он тут же растворился в переулках.

— Мы у всех на виду, а они прячутся в тени, — задумчиво произнес Цзин Юньшу. — Что ж, придут враги — выставим полководца, разольется вода — засыплем землей. Рано или поздно они объявятся сами. Но зря ты бросился в погоню. Если бы нас пытались выманить, я остался бы без защиты, как легкая мишень.

Чжун И заметно напрягся. Его лицо сделалось еще более суровым — он явно корил себя за секундную оплошность. Не привыкший тратить слова попусту, телохранитель лишь глухо вымолвил:

— Виноват. Больше не повторится.

Он замолчал, продолжая мысленно изводить себя за непростительный промах.

<http://bllate.org/book/18296/1758969>